

Валентин Маэстро

Между церковью и наковальней

Книга 2. История человечества, написанная по совести

Валентин Маэстро

**Между церковью и наковальней.
Книга 2. История человечества,
написанная по совести**

«Издательские решения»

Маэстро В.

Между церковью и наковальней. Книга 2. История
человечества, написанная по совести / В. Маэстро —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853884-1

В данной книге рассказывается о том, как власть любой страны
западной цивилизации, декларируя общее благо, утверждает свое
личное благо.

ISBN 978-5-44-853884-1

© Маэстро В.
© Издательские решения

Содержание

Преамбула	6
Раздел первый.	8
Глава 1. Волнение океана памяти	8
Второе рождение	10
Раздел второй. Касание церкви	16
Глава 1.	16
Глава 2.	18
Эхнатон и Моисей	19
Иисус	20
Глава 3.	21
От гонений к кострам	22
Вчера и сегодня – подобны?	23
Рыцарство крестоносцев	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Между церковью и наковальней Книга 2. История человечества, написанная по совести

Валентин Маэстро

© Валентин Маэстро, 2017

ISBN 978-5-4485-3884-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Преамбула

– Милый, я боюсь... Мне страшно, – тихо шепчет женский голос. – Страшно за тебя, ведь, если ты издашь эту книгу, они убьют тебя..., и нас..., всех...

– Мы – правы, а значит убить нас невозможно..., – твердо отвечает мужчина и продолжает, – Я обязан рассказать об этом людям...

Мы приходим в этот мир, взрослеем, видим окружение и нам кажется, что мы сами направляем свою жизнь, строим будущее...

На самом деле, вся известная нам история человечества – это последовательность событий, создаваемых небольшой группой посвященных в Знания, которые они используют и держат в тайне.

Это могло бы показаться бредом сумасшедшего, если бы не доказательность фактов.

События создавались и создаются этими режиссерами для сцены театра под названием жизнь.

Как создаются?

Сознанием подавляющего большинства манипулировали и манипулируют так, что мы, большинство, думаем уже будто всегда исполняем свои желания. На деле, наше сознание неявно находится под влиянием, постоянно программируется. Чужие желания преобразуют в ложно принимаемые нами как свои.

Сегодня, благодаря современным технологиям, эффект воздействия достигается моментально.

Есть химические реакции и эксперименты для получения определенного вещества, но есть и психологические эксперименты, реакции, где тоже, в зависимости от исходного материала и использования их, будет получен известный, запрограммированный результат.

В прошлом суть цели манипуляторов – власть, обогащение, уничтожение соперников – была той же, что сейчас, но в методах сегодня уже... речь идет о целенаправленном воздействии на психику людей с помощью... так называемого психотронного оружия.

Американские специалисты даже не скрывают, что их ближайшая стратегическая цель – «воздействие на психологию противника – индивидуальную, коллективную, массовую, разрушение общественных и государственных институтов, провоцирование массовых беспорядков, деградация общества развал государства» (Colonel Richard Szafranski.US Air Force Military Review, N11,1994.p.41—55).

Один из ведущих российских специалистов в этом вопросе, академик И.В.Смирнов говорил по этому поводу еще более определенно:

«Совершенствование психотроники может сделать ее более страшным и разрушительным оружием, чем атомная бомба. Эта технология может управлять поведением людей, разрушая души как консервные банки, изменяя содержание мозга в соответствии с желаниями того, кто управляет генераторами...»

Проблема в том, что приближение их к цели и методы эти ведут всех нас к Смерти, но мы об этом и не подозреваем.

Как сказал Козьма Прутков: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Есть группа людей, которые формируют наши поступки независимо от нашей воли. Чтобы изменить течение этой ситуации, надо ее осознать. Чтобы осознать, надо получить и оценить факты, которые скрывают от всех.

Мы привыкли думать во временных рамках часов, дней, месяцев, лет, продолжительности своей жизни. Пространственно мыслим о задачах своих, семьи, дома, города, страны.

Такой подход недостаточен для оценки действий, выходящих за наши привычные временные и территориальные границы.

Надо изменить масштаб мышления, ракурса.

Местом действия надо брать планету целиком и, даже, космос, а шаг времени должен измеряться пятьюдесятью годами, веками, тысячью лет и более, в зависимости от длительности существования изучаемого явления.

Предметом рассмотрения избрать не то, что привычно можно пощупать, увидеть, услышать, а то, что неявно – сознание, взаимоотношения между человеком и государством, между людьми.

Мы вырвались из круга навязанных стереотипов. Теперь я обязан передать вам то, что узнал вместе с Александром Скифовским и делаю это, написав продолжение книги «Оковы», где описаны события нашей жизни.

Прочитав эти факты, полученную информацию необходимо передать другим и так мы спасемся.

Раздел первый. Третье рождение

Глава 1. Волнение океана памяти

Белопенные волны —
Величаво плывут облака...
Бездонное небо,
Безбрежное небо,
Беззвездное небо...

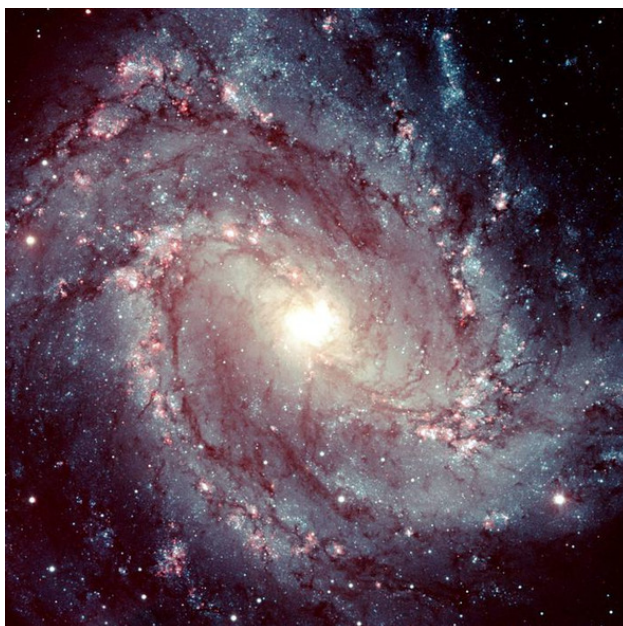
Бурное море —
шумом зеленым
стонут леса...

В ВИХРЕ – ПЕСЧИНКА – КОРАБЛЬ – ЗЕМЛЯ.
Как попал на корабль – не знаю...

Крик одинокий – плачет душа:
«Нет ответа нигде.
Нет ответа.
Кто эти люди?
Решают они все за меня, но без меня...
Кто эти люди? Люди?
Почему у них власть?
Власть надо мной...

Я же им ее не давал!

Решают все за меня, без меня! Почему?
Нигде нет ответа...
Небо...
Земля...
Душа...

Прошло пять лет. Выходной. Неожиданный звонок в квартиру.

Александр только успел отложить альбом с фотографиями сына своего и чуть приоткрыть входную дверь, как неведомая сила резко рванула ее нараспашку.

Пятиголовое чудище кинулось на него.

Четверо парней в гражданском разом, слаженно схватили его руки, ноги, плечи, а туловище прижали к стене. Пятый, давит пятерней на горло, и, тыкая пистолетом в лицо, надрывным злобным рыком кричит:

– Р-Р-XXX!!! Стоя-я-ять!!! Не дер-р-гайся!!!

Пока Александр – Валера пытался понять, что здесь произошло, его запястья уже были в наручниках. На нем – тяжесть пяти противников. Видит как в раскрытую дверь, степенно вышагивая, входит подполковник милиции, в котором он узнает Пугачева.

Вошел Пугачев, который на зоне был начальником по режиму. Он – один из немногих, кто понял как несправедливо упрятали в неволю Санька, относился там к нему с пониманием. Узнал, что отец Грязнова работает в руководстве МВД и тогда горестно вздохнул: «Тебя не оправдают...»

– Не стрелять!!! Саблин – Скифовский! – спокойно, но со звоном металла в голосе, жестко произнес Пугачев, – Вы обвиняетесь в убийстве...

Его грубо схватили и поволокли по коридору. На улице сразу втиснули в воронок. Машина, равномерно урча, повезла...

*

«Все-таки, взяли меня! Определили! Не успел победить...

Так много узнал и ...Проиграл?

Теперь уже точно – смерть: они убьют меня как врага своей системы...

Не понимаю... Как такое я мог допустить? После того как побывал в коме, получил дар видения прошлого, будущего и не разглядел приближение этой опасности?!

Не умею использовать способности? Мешает суета? Заиклился на идее во всем разобраться?»

*

– Ну, что? Давно не виделись, – выпроводив помощников, добродушно вымолвил Пугачев, когда Александра, обыскав, оставили с ним наедине в кабинете департамента полиции. Санек молча кивнул.

– Что же ты опять успел натворить, если мне сказали работать с тобой на поражение? – продолжая с нескрываемым интересом разглядывать Санька, спросил Пугачев. Спросил и с недоверчивостью во взгляде уставился на Александра: – Я тебя узнал и только поэтому не шлепнул. Через час должен был сообщить в прокуратуру что получилось, а теперь придется везти к ним. Рассказывай.

*

«Остается всего лишь час до встречи с «палачами»! Точнее, уже 59 минут! Надо успеть все передать... Узнать должны все! Все человечество!»

*

Сжимая повествование в краткие смысловые блоки, Александр спешно начал говорить...

Второе рождение

«Как трудно, невероятно трудно вытащить из забвения мысли... Тяжело, по-медвежьи ступая, бредут, спотыкаясь, в потемках они среди бурелома событий... По-волчьи зубами щелкают чьи-то установки... Девочки-Красные шапочки – дарят улыбки... А-а, вот и мама гладит меня по головке...

Я – уже маленький взрослый...
Ребеночек? Взрослый?»

...«Если Скиф – Победитель, Мариам – это Природа, а судьба гражданина – отражение судьбы государства,... что я видел: прошлое..., настоящее... в судьбе планеты Земля...?»

...«Я прощаю и верю вам, люди...»

...«Слышу как коротко хрустнула ампула с ядом...»

...Раскинув руки, он падает, лицом вперед. Остается лежать на умытом дождем асфальте и будто пытается обнять...

*

«Как пронзительно и режуще слух, резко воеет – кричит сирена не то пожарной, не то скорой...

Это рвет барабанные перепонки сирена не пожарной... Пожарная голосит по-другому. Это несется скорая.

Куда? К кому? С кем? Не вижу! Ничего не вижу! Только слышу. Почему не вижу? Где я? Вместо ответа какое-то непонятное и непривычное, неуправляемое ощущение взлета – падения...

Я – на качелях? Проваливаюсь в бездну какую-то... Что за бездна... и черное – все? Опять лечу, но! Лечу я вниз... Вниз лететь нельзя! Я лечу?»

Скорая везла Александра. ... Скорая везет Александра в больницу. Отменив решение убить всех виновных и уходя от Спирковой, он случайно раздавил ампулу с ядом.

Тело его бесчувственным, как манекен, безучастным отношением к окружающему, что выражается в неподвижности и в застывшей на губах улыбке, заставляет врачей быстрее, чем обычно, действовать, говорить, колоть...

Тело безучастно лежит, а остаток света сознания пытается понять: что с ним? Где он? Почему не видит, не ощущает себя? Кто опять без его ведома увозит его и куда?

Остаток света пытается понять, а ниточка, связующая ЕГО со ВСЕМ, передает урывками, фрагментами некие касания и переносит его в состояние соприкосновения со всем, где логика отодвигается в сторону мощью Всеведения.

Белопенные волны...
Величаво плывут облака...
Бездонное небо...
Безбрежное небо...
Бурное море —

шумом зеленым..
стонут леса...

Небо...
Земля...
Душа...

– Николай Иванович, это я – Демофилина. У меня – ЧП. На меня напали, попытка убийства...

– Когда? Где? Вы узнали кого-нибудь?

– ... я помню этот взгляд, глаза...Его видела...

– Срочно приезжайте, все поднимем...

Александр с удивлением обнаруживает себя находящимся под потолком помещения. Здесь же, но внизу – группа людей, все в одинаковых белых одеяниях. Они, как-то странно, не обращая внимания на него, но слаженно и быстро раздевали, укладывали, подкатывали то столик с холодно блестящими инструментами, то капельницу... и все это делали будто бы для него и с ним. Не с ним, а с телом его...

*

«Там, внизу – это я? Нет. Я, ведь, здесь, наверху. Там, внизу – тело мое. Кто же здесь? Снова! Снова падаю я... Вниз! Все исчезло опять! Слышу лишь голоса... Пропали...»

– Если он вам нужен живой, значит перевозить не раньше, чем через три дня.

– Хорошо, я свяжусь с тюремной больницей... Учтите: этот фигурант – чрезвычайно опасен... Напал на прокурора!

Как только придет в себя, сразу сообщите! Завтра, на всякий случай, пришлю конвой.
– Сестра, повторите Скифовскому укол...

«Чьи-то слова... Вновь, слышны голоса....Какая кругом духота и жара.
Жарко...
Попить бы воды! Холодной воды.... Воды из ручья...

В тюремную больницу? Кого и когда?

Как непривычно тяжело мне сейчас кого-то спросить. Не могу говорить. Так не привык! Губы никак не разжать и медленно... так сменяются мысли...

«Скифовский» – это, ведь, я! Значит, меня и в больничку, в тюрьму!
«Сестра» – выходит в больницу меня привезли... .. А где пистолет?
Пистолет или меч? А, может – копье...?
Опять все исчезло...»

*

«Не хочу! Не хочу я в тюрьму! Тюрьма – это рабство! Тюрьма – это смерть!

Повезло, что первый этаж. Темная ночь и беззвездное небо. Раскрываю окно.
Свежий воздух коснулся лица. К карнизу прижался, перевеситься надо...

Упал я на землю, пахучую – сырой чернозем – землю сырую. Теперь отползти. Хватаюсь за дерева ствол и вот у-у-у-уже встал. Сильные ноги слабыми стали, но иду... Ухожу от опасности подлой. Убежал. От тюрьмы я в тюрьму убежал. Как нескладно я мыслю... Что это?

Сон или явь?

На койке лежу... Был я в бреду?

Письмо редактору я написал тоже в бреду? Может, хоть это было все наяву? Никуда не сбежал...»

*

– Сестра, здесь я давно? – чужим для себя голосом, еле двигая шершавым языком, прохрипел, преодолевая резкую головную боль, Александр.

Вопрос заколотился в нем, требуя выражения, когда он увидел за спиной входящей в палату медсестры хмурого полицейского.

Спросил, а сам с горечью отметил: «Обложили уже. Я – опять в капкане... Как трудно дышать... Тошнит... Судорога ноги крутит, ломает...»

– Очнулся? Второй день..., – бросила мимоходом медсестра и склонилась над лежащим на соседней койке.

*

«Сердце мое, словно бегун, несется с горы, стучит в бешеном ритме и тут же, будто в гору крутую – затихает и, вот-вот, станет совсем...»

«Завтра увезут на кичу! Замуруют и опять влепят срок огромный!

За что? Я, ведь, сам отказался от преступления.

Убедить их, Демофилину в этом? Возможно? Нет, конечно.

А добиться объективности при рассмотрении дела?

Они только за то, что осмелился пойти против них, в назидание другим, втемяшат срок на полную катушку!

Я выступил против существ, считающих себя господами. Вклинился в их вотчину: начал определять, им вопреки, кто прав – виноват...

Вырваться надо отсюда! Как? Конвой уже у дверей. В окно?

Этаж – первый. Рвануть прочь? А дальше? Придумаю что-нибудь там... Время покажет и хуже не будет.

Срок получить – это смерти подобно... Как, кем станет сынишка?»

«Снова в пропасть упал и мысли все растерял...»

«За окном – темень уже.

Сбежать я хочу, но даже встать не могу.»

«Сынишка-малыш ждет меня,... ждет и, значит, силы найду. Надо... найти...»

«Надо, значит смогу и могу! Крепче зубы сжимаю и уже я встаю...»

Санек изо всех сил сжал пальцами холодный металл края кровати. Напрягся, но тело было слишком тяжелым. Он почувствовал как испарина покрыла лоб.

«Слабость какая! Не могу я подняться. Они снова кинут меня за решетку! Надо вскочить и нестись... Голову трудно поднять. Я же – сильный! Надо чуть-чуть отдохнуть. Вот так дыхание свое разогнать. Затем задержать! И... вставать! Тело будто налито свинцом и мышц словно нет...»

Он медленно поворачивает голову к правому плечу. Прижался к подушке. Захватывает зубами наволочку. Одновременно оттягивая правое плечо от края постели и загибая левое, как на ринге закрывая скулу от удара, наполовину разворачивает туловище.

Опираясь на правый локоть и, держась левой рукой за край кровати, подтягивает тело и может уже приподняться.

Останавливается.

«Отдышаться мне надо...»

Мышцы оживают. Сгибая, подтягивает ноги. Опускает их... Пытается встать, но теряет равновесие. Падает на пол и, перевернувшись, правой рукой хватается соседа.

Остывшее тело того безответно, недвижно лежит.

«Холодный... Недвижный. Он умер. Помочь ему уже ничем не могу.

Помочь? Сам я лежу на полу и не встать... Другому помочь. Мой дурацкий характер: «помочь...»

Надо скорее отсюда бежать... Как?

Если даже доберусь до окна, уйти сил не хватит. Чуть – чуть отдохну на полу.»

Он, сидя на полу, отдыхает.

«Как мне спастись от злыдней, власть захвативших? Как?

Уйти не могу. Мне никто не поможет.

Но...

О! Он может помочь. Надо его на кровать мою перетащить! Будет принято, что умер здесь я... Если раскроют подмену? Хуже не будет!»

Александр рванулся к соседу. Подумал, что рванулся, оставаясь на месте в бессилии.

Горько усмехнулся: «Силы никак не вернуть. Даже встать не выходит... Невозможно его мне поднять... Поднять, а еще и тащить на койку другую. Значит, они победят?»

Начал на ощупь искать за что ухватиться. Взялся за ножку кровати.

«Холод металла. Стоп. Колесико. Кровать! На колесах! Я их передвину! Поменяю местами! Силы на это найду! Время есть до утра.»

Утром была констатирована смерть Скифовского.

Санек, побывав на грани жизни-смерти-жизни и в состоянии перехода свободы-неволи-свободы, чувствует в себе требовательное клочкотание настоятельно ищущих ответа вопросов.

«Зачем в этот мир я пришел? Кто создал это общество, где действую я по совести, а, в итоге, получаю только невзгоды...?»

Александр умер в имени своем, чтобы жить и разобраться во всем под сенью имени чужого человека.

Прикрытие, сотворенное именем Валерия Саблина, позволило ему на время уйти от конфронтации с властью придержащими, уничтожающими всякого, кто мешал их благополучию.

Валерий ушел из жизни, но в имени своем остался...

Через три дня Саша, чтобы исключить приход в больницу знакомых, близких Валерия, написав заявление, потребовал выписать его.

Получил паспорт Саблина. Мысленно попросил прощения у Валерия. Оделся в великоватую для его комплекции одежду и, наконец, будто вырвался из капкана, ступил на тротуар улицы. Здесь непривычно его ощущениям постоянного преодоления, борьбы, внешне свободно передвигались люди.

Сунул в карман паспорт, а ассоциации, вызванные совпадением приобретенной фамилии с именем героя, призывали его стать еще сильнее.

Немногие в Союзе знали, что Валерий Саблин, капитан третьего ранга, 8 ноября 1975 года поднял восстание на корабле «Сторожевой». В одиночку выступил против империи СССР и повел команду из Риги в Ленинград, чтобы встать на Неве рядом с «Авророй».

Решил начать революцию против партийных органов и правительства, угнетающих народ. Его арестовали и расстреляли.

Александр об этом знал.

Май 1992 года. Санек, преодолевая слабость, осторожно ступая, медленно движется, удаляется от больницы...

Белопенные волны...

Величаво плывут облака...

В вихре – песчинка – корабль – Земля.

Как попал на корабль —

не знаю.

По палубе

шатко, сутулый бреду.

Блуждающий взгляд.

Попугаи у ручек штурмвала.

Мышления штампы в речах.

В камбузе стряпают фразы —

Глотайте, спешите.

А зачем?

Раздел второй. Касание церкви

Глава 1. Познание

Солнечный летний день. Санек под чужим именем выписан из больницы.

Паспорт. Бумажник с мелочью.

В чужой тельняшке, рубашке, брюках, туфлях не по размеру Александр присел на скамейке в парке.

«Надо осмыслить происшедшее и увидеть дальнейший план действий.

Надо действовать. Как? Нужны – в любом случае – хоть какие-то деньги».

Взвесил все «за» и «против».

Понимая, что для знакомых он не должен существовать, решил пойти в ближайшую церковь.

Рос он атеистом, но жизнь заставила задаться вопросом о наличии Бога и его представителях – священниках.

Знал о существовании некоего мистического тайного Знания, об Индийских Ведах и йоге, Ведах Славяно-Ариев, Скандинавских рунах, Буддизме, Иудаизме, Христианстве и Мусульманстве. Где-то в глубинах памяти «лежала» информация, что до изобретения книгопечатания, радио, телевидения церковь была абсолютным, монопольным средством воздействия на сознание людей. Инструментом воздействия были звук, слово, спектакли, дающие воспринимающим образ.

Воздействие всегда проводилось в двух направлениях: одно – внешнее, видимое всем, проповедуемое течение, часть Знания, что воспринимало сознание и другое – внутреннее, неизвестное для большинства, целостное влияние Знания на сознание и подсознание.

Все течения в религии всегда делились на экзотерическую, внешнюю форму (ритуалы, верования, догмы отдельной традиции) и эзотерическую, внутреннее ядро, сокрытую (описания духовного посвящения, трансцендентности, техники трансформации сознания, медитации, молитвы).

Экзотерическая сторона, по-своему, важна: помогает сохранить, не потерять эзотерическую суть.

Задача знающих всегда состояла в том, чтобы создавать здоровые экзотерические институты для передачи эзотерического учения своим современникам.

Постепенным обучением верующих и выдвижением на первое место трансформирующих практик созерцания, медитации, молитвы можно слепую веру заменить на очень важный, личный опыт единения-соприкосновения с духовным, божественным планом.

В создании Западной цивилизации и взаимоотношений в ней важнейшую роль, на явном и неявном уровне, сыграла христианская католическая Церковь.

Она утверждала «Истину» и из нее выводили мораль, а из морали следовали установки поведения, ставились задачи...

Священники и сегодня являются одной из главенствующих составляющих в иерархии управления обществом.

Они из всех, владеющих богатством, виделись Саньку самыми добрыми и благожелательными передатчиками блага от Бога людям.

В нем, как и у многих, на бессознательном уровне господствовала установка: догмат о непогрешимости папы, преемника апостола Петра, представителя Бога на земле. Принималось верховенство церковной власти над светской. Догмат о Провидении, исполнении Господом Своего трансцендентального плана через посредников – священников, носителей ИСТИНЫ.

Решил пойти к ним с просьбой помочь начать нормальную жизнь. Решил попросить там пособие.

«Они – поймут, да и деньги, ведь, люди дают им... Они – помощники Бога».

Слабость в теле не позволила вскочить сразу и рвануться к цели.

Обхватил, крепко сжал пальцами доску скамейки. Перенес тяжесть тела на руки и, оттолкнулся от сиденья. Помог мышцам поднять тело.

Он встал. Повторно, завершающе, подумал:

«Надо быстрее к церкви. Там мне помогут...».

Часа через два Александр находит церковь. Не знает как поступить, стыдится просить о помощи.

Заходит в здание.

Здесь идет служба. На возвышенности стоит благообразный пожилой священник. Он проникновенно, спокойно журчащим голосом, говорит об эгоизме и противопоставлении ему любви к ближнему своему...

Сегодняшний день двадцатого века был наполнен доброжелательностью проповедника.

Священник, выступая с кафедры, дружески зывал к совести прихожан, братьев и сестер. Говорил, что часто люди проходят мимо тех, кому надо помочь. Помочь не трудно, но, чаще всего, многие, думая о своем, пробегают мимо ближнего своего.

Александр поверхностным уровнем сознания, умом, вникал в смысл понятий, которые провозглашал священник здесь, в зале. Большая же часть внимания и чувства его, продолжали единение с тем, что коснулось его, когда он на улице встал со скамейки. Повторно, завершающе, подумал: «Надо быстрее к церкви. Там мне помогут...»

Глава 2. Истина узнаваема в сравнении

Подумал тогда и вздрогнул от неожиданного, невероятно громкого звона – удара в колокол!

«Призывный набат???»

Оглянулся. Прохожие, как и до этого: говорят, болтают, бегут, спешат, суетятся и ничего не слышат!

«Если так, то колокола гул – во мне? А может, все-таки, здесь? А может в прошлом далеком?»

Чтобы не потерять себя в многообразии ощущений, тогда, там, на улице он двинулся вперед. Это движение, шаги подтверждали, что он – здесь, но в то же мгновение...

Медленно передвигаясь, стараясь не выказывать преодоления слабости, он шел в надежде на помощь. Шел в поиске церкви, надеясь, что случайно выйдет к храму, где встретится с представителями Бога на земле.

Шел, но в то же мгновение новое мироощущение, состояние, как-то по-другому, показывало ему этот мир.

Тогда, там, в больнице, придя в сознание, он пробовал понять свои переживания и состояние во время нахождения себя под потолком в операционной. Непонятным образом, но этот вопрос втягивал его в какую-то другую реальность.

Да, да. Создавалось ощущение некой разделенности и, одновременно, единства, которое он чувствовал, но не понимал. Ощущение, новое, до того неведомое, которое он почувствовал в себе после соприкосновения со смертью телесной, когда очнулся в больнице.

Ощущение разделенного единства при одновременном нахождении в трех мирах и трех временных составляющих.

Он не понимал, но, странным образом, одним только желанием и направленностью мысли переносился из привычного, предметного в информационное поле миров ментального и духовного.

Переносился, в мгновение ока, будто в незримом полете из сегодня в далекое прошлое.

Вот и тогда, он подумал о церкви и, находясь здесь, в двадцатом веке, идя по улице в поиске, мысленно оказался в другом веке, тринадцатом, где тоже искал, но не церковь.

Искал понимание смысла существования себя, устройства общества, несоответствия меж видимым и желаемым... Внутренняя неудовлетворенность там, в то время, тоже вела к церкви, где должны были дать направление в жизни, дать пищу духовную и физическую.

Самообразование дало Александру знание о шумерской, ассирийской, хеттской и аккадской цивилизациях, о которых сохранились письменные памятники.

Знал, что религия существовала уже более двенадцати тысяч лет назад и что Шумер и Египет – две прародины религий, обладали тайнами великого, неизвестного ему, Посвящения.

Новое мироощущение давало ему радость одновременного охвата Всего.

Эхнатон и Моисей

Он чувствовал исходящих из Единства более десяти тысяч лет назад и Раму, и Кришну, и Патанджали, и Будду, и Лао-цзы, Заратустру – основателей Восточных религий. В том же единении с ними был Гермес Трисмегист. Об одной и той же Истине возвещал, три с половиной тысячи лет назад, фараон Эхнатон и затем, в Западной цивилизации, Моисей – основоположник иудаизма. О той же Истине говорил Иисус, две тысячи лет назад давший основу для возникновения христианства и Мухаммед, который тысяча триста лет назад положил начало мусульманству.

Все говорили, несли людям одну и ту же Истину о познании человеком мира и самого себя, о своем Богоподобии, о необходимости стремления к богоподобию...

До Эхнатона жрецы утверждали многобожие. Эхнатон – египетский фараон, реформатор – первый в известной мировой истории, кто утвердил поклонение единственному Единому Богу, который представлял основной принцип Мироздания – Свет. Себя он назвал сыном Бога. Говорил, что между Отцом и Его детьми не может быть посредников, а тем более имеющих материальную выгоду от этой роли.

«Вам не нужны священники. Бог внутри вас. Есть только один единый Бог и вы можете обращаться к Богу прямо изнутри самого себя».

Эхнатон, также как жрецы, обозначал путь человека на Земле как движение к совершенству...

После его смерти жрецы вернулись к многобожию.

Продолжил, из известных нам, монотеистическое вероучение Моисей, покинувший со своим народом Египет и создавший, на основе полученных Знаний, иудаизм.

У Эхнатона Бог – это Бог всего человечества, а у Моисея Бог, прежде всего – Бог Израиля.

– Разве может быть одно и то же явление различным у людей, – подумал Санек и вспомнил сказанное Эдуардом Шюре в книге «Великие посвященные»:

«Свет может быть более или менее сильный, но это тот же свет. Форма и подробности могут меняться до бесконечности, но основа, то есть принципы и цель – никогда».

– Видно все зависит от поставленной цели, – решил Александр, – Что же произошло с иудаизмом?

«Моисей сорок лет водил народ по пустыне.

После него, уже в шестом веке до нашей эры, первосвященник Ездра создал для иудаизма форму на последующие столетия в направлении идеи богоизбранности.

Многие, при признании праотца Авраама, называют Ездру отцом иудаизма, но не это главное. Важно то, что иудаизм начал утверждать

БОГОИЗБРАННОСТЬ только одного народа – евреев.

Именно им Бог доверил стать «своим избранным народом», за которым должны пойти все остальные народы мира, аки слепые за поводырем.

Получив значительную власть в Иерусалиме, Ездра начал проводить в жизнь ПЕРВУЮ В ИСТОРИИ программу расовой чистоты – все евреи должны были бросить своих нееврейских жен и детей.

Так при нем начался процесс сознательного отделения евреев от не евреев, т. е. от всего остального мира.

Был создан собственный миф о Боге, который является народу и через избранных заключает с ними договор (Завет). Он – грозный ревнитель – карает смертью грешников...

Бог использует страх и трепет как инструмент управления/манипуляции избранными...

Под влиянием этой идеи создавался народ. За прошедшие сорок лет нахождения в пустыне было сформировано новое сознание иудейского народа.

Созданный заново, с другим уже самосознанием, народ и иудаизм начали оказывать ключевое влияние на развитие нашей цивилизации. Племя Иуды и племя Левитов (каста жрецов, хранителей учения иудаизма...) составили народ прародителей современных израильтян, евреев.

Идея богоизбранности помогла выжить еврейскому народу,

НО НЕ СМОГЛА СДЕЛАТЬ ИХ БОГА ВСЕОБЩИМ.

Кроме того, эта религия не могла, в таком контексте, влиять на мировоззрение других народов.

Эти задачи решили христианство и ислам.»

*

Христианство решило задачу? Интересно, как? – задумался Александр, – Первыми христианами, ведь, также были евреи же.

*

Иисус

К евреям пришел Иисус Христос. Пришел как обличитель для еврейских священнослужителей, которые увели народ от толкования сути Духа и, превратно используя букву Закона, преследуя корыстные интересы, превратили всех в рабов.

Вместо мщения Христос принес указание Любви и Сострадания. Направил человека к поиску Бога в себе и к совершенству.

В первые века нашей эры в христианстве было несколько направлений, начало которым дали люди, знавшие Христа.

К 325 году нашей эры, ко дню первого вселенского собора, который созвал римский император Константин, было известно около двух сот произведений, передающих слово Иисуса.

После собора осталось четыре и еще те, которые начали прятать, которые удалось спрятать.

Глава 3. Что значит – Религия?

– Что же представляет собою религия и конкретно христианство? – задумался Александр, желая уточнить до однозначной ясности то, что знал в общих чертах. Вспомнил содержание книги Грэм Хэнкока и Роберта Бьювэла:

«Власть талисмана Тайны посвященных: от египетских жрецов до виновников трагедии 11 сентября»

«Все ученые утверждают, что «за период человеческой истории, о котором сохранились письменные свидетельства – около 5000 лет, – религии играли основополагающую роль в формировании и развитии цивилизаций.

Точно так же... человечество в течение этого периода последовательно разделялось не только на разные языки и культуры, но также на соперничающие сферы влияния разных религий.

Некоторые древние культы, некогда державшие в абсолютной покорности огромные регионы, исчезли бесследно. Другие, ранее незначительные, приобрели вес и влияние, а третьи, почти забытые на родине, достигли расцвета в отдаленных странах.

На общем фоне светского общества в большинстве богатых стран и неистового религиозного рвения в большинстве бедных стран мы сегодня имеем четыре великие религии с отдельными социально-географическими сферами влияния, которые до сих пор причисляют к числу своих сторонников примерно девятерых из каждых десяти человек, живущих на Земле:

Индуизм силен только на Индийском субконтиненте, но там он насчитывает 800 миллионов сторонников.

Буддизм распространен от Шри-Ланки до Тибета и от Китая до Юго-Восточной Азии и Японии.

Ислам имеет сотни миллионов сторонников в Индонезии, Бангладеш, Пакистане, Иране, Турции, на Леванте и в Северной Африке, но его средоточием и исторической родиной является Аравийский полуостров.

Христианство занимает почти монопольное положение в Северной и Южной Америке, уничтожив или оттеснив на обочину все туземные культы и вероисповедания Нового Света за последние 500 лет. Оно также преобладает в Австралии, Новой Зеландии, Африке к югу от Сахары и других регионах, затронутых европейской колониальной экспансией. Его историческая родина находится в Восточном Средиземноморье, однако после победы ислама на Ближнем Востоке и в Северной Африке более тысячи лет назад центр христианской веры переместился в Европу.

В результате, сейчас мы привыкли думать о Европе как о регионе, так прочно и долго находившемся в христианской сфере влияния, что ни одна другая религия не могла повлиять на его судьбу и историю...

В Австрии, Бельгии, Британии, Франции, Германии, Греции, Голландии, Италии, Португалии, Испании и Швейцарии мы обнаруживаем очень долгую и непрерывную христианскую традицию.»

От гонений к кострам

На этом Грэм и Роберт не остановились и продолжают.

«В некоторых случаях эти традиции возникли еще до IV века н. э., когда Римская империя при императоре Константине Великом приняла христианство в качестве государственной религии и сделала Рим (где уже 200 лет существовала гонимая христианская община) штаб-квартирой самопровозглашенной католической церкви...

Анализ широкого и эклектичного поля христианских верований в I—III веках н. э. не поддерживает притязания католиков на главенствующую роль их вероучения.

Нет сомнения, что ядро фракции, которое стало католической церковью, образовалось вокруг воинствующих догматиков, таких, как Ириней и Тертулиан, но после находки текстов Наг Хаммади и постепенного перевода их содержания стало уже невозможным игнорировать наличие в том же историческом периоде гностических церквей, пользовавшихся не меньшим влиянием...

Чэдвик полагает, что примерно в 185—190 годах Ириней вместе с другими представителями христианской группы увидел преимущество рукописных документов перед устной традицией...

Будущие католики решили действовать без промедления. Зная, что те, кто владеет рукописным документом, будут обладать «аутентичной традицией», они приступили к составлению канонического Нового Завета....такие люди, как Ириней,...они проявляли склонность считать любые тексты или устные предания, поддерживавшие их точку зрения, принадлежащими к аутентичной апостольской традиции и отвергали все, что противоречило им...

В начале IV века н. э. христианская церковь, получившая государственный статус, КРУТО СМЕНИЛА НАПРАВЛЕНИЕ СВОЕГО РАЗВИТИЯ. Вольнодумствующий, иногда анархический подход гностиков подвергся осуждению. Аллегорические интерпретации Священного Писания были оставлены в пользу буквалистских, и почти немедленно начались гонения на еретиков.

В течение последних двух десятилетий IV века догматическая фракция христианства, недавно обратившая в свою веру императора Константина, поигрывала мышцами, пользуясь защитой Римского государства. При негласной поддержке, а иногда и при прямом военном содействии местных властей, истерические толпы религиозных фанатиков слонялись по Египту, распространяя страх повсюду на своем пути. Они громили храмы, которые стояли тысячелетиями, и уродовали древние надписи, они убивали жрецов и философов. Под их натиском утонченная религия Древнего Египта испустила свой последний вздох... католицизм получил право на защиту со стороны императора, носившего титул Pontifex Maximus, но еще задолго до этого Константин дал христианству карт-бланш для преследования его внутренних врагов – еретиков.

...он был искушенным политиком,...и несмотря на настойчивые просьбы, отказался от вмешательства в свободу вероисповедания и от гонений на многие другие популярные и могущественные культы, существовавшие в Римской империи. Отстаивая ту же самую политику терпимости, которая принесла выгоду христианству, он напомнил епископам:

«Стремиться к спасению души добровольно – одно дело, а под принуждением и страхом наказания – совсем другое».

В этом вопросе Константин оставался непреклонным до конца своих дней – за единственным исключением. Этим исключением был императорский эдикт (примерно 324—326 годы), в котором Константин обрушивался на «вредоносные заблуждения» христианских еретиков:

«Настоящим декретом да будет известно всем новатианам, валентинианам, маркионитам [хорошо известные гностические секты],... мы публично провозглашаем, что никому из вас впредь более не дозволено собираться вместе. Все дома, в которых вы проводите эти собрания... не только общественные... и любые другие личные владения... подлежат конфискации и безотлагательной и неоспоримой передаче католической церкви...».

Это был ПЕРВЫЙ ШАГ на скользком пути религиозных гонений. Менее чем через сто лет в союзе с такими императорами, как Феодосий, католическая церковь начала сжигать еретиков на кострах.

Последние меры были предприняты Юстинианом (527—565), который правил Восточной Римской империей в Константинополе.... Распорядился сжигать на костре не только манихеев, но и всех их пособников и знакомых, которые отказывались отречься от них. С нашей точки зрения, важно отметить, что он также создал официальную службу расследований под названием Quaestiones, специально предназначенную для искоренения манихейской ереси...

...Ереси подвергались систематической травле и уничтожению в течение следующих 300 лет...

...700 лет спустя папа Иннокентий III вспомнил об инициативе Юстиниана, когда создал очень похожий инструмент террора и угнетения...

«Священная инквизиция» учрежденная Иннокентием III в 1233 году, имела конкретную цель уничтожить вероучение катаров, которое, по его мнению, было новой разновидностью более древней манихейской ереси...»

– Инакомыслие жестоко уничтожалось уже в Римской империи, но в Риме, ведь, утвердился Ватикан? – определил Санек и тут же возник вопрос: А, какое мировоззрение проповедуется и какое реально господствует в умах наших сейчас?

Ответить он не успел...

Вчера и сегодня – подобны?

– К кому ты идешь за помощью? – в стихающем звуке звона колокола послышался голос неизвестного. – Ты веришь словесам? Посмотри на дела... Живешь в веке, когда трудно скрыть информацию.

Все Великие Учителя возвещали в прошлом об одном и том же, а их последователи говорили, якобы, о той же Истине.

Последователи – посредники, священники говорили о той же истине, но поворачивали ее так, что люди, выслушивая их, начинали рычать... Хватали колья, мечи, копья и воющей толпой кидались на себе подобных.

Один, второй, третий, четвертый... восьмой раз, отвечая на призывы папы римского, толпы христиан неслись в крестовые, священные походы.

Врывались в селения, города. Грабили, убивали, насиловали... Со смехом устраивали соревнования на меткость. Подбрасывали вверх младенцев нехристей и ловили на острие копий. Грузили награбленные богатства на телеги..., корабли...

Слабость накатилась волной на Александра и заставила его присесть на скамейку у тротуара.

Рядом была стоянка такси и из салона стоящей там машины доносилась бравая мелодия.

Когда она закончилась, начались новости:

«Скандалы вокруг священников-педофилов, насилующих детей, мальчиков и девочек стали достоянием общества.

Подтверждаются случаи с семидесятых годов двадцатого века.

В католической церкви Ирландии священник насиловал девочку в течение десяти лет. Она, запуганная, молчала, пока ей не исполнилось восемнадцать.

В США Петерсен выиграет суд. Она утверждает, что священник многократно насиловал ее, когда она была ребенком... Я была набожной и хотела стать монахиней, я доверяла ему»

Папа и другие иерархи не только не предотвратили сексуальное насилие и не наказали виновных, А СКРЫВАЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, которые совершаются по всему миру – это систематическая и распространенная практика...»

Рыцарство крестоносцев

Александр воспринимал радио как отдаленный, второстепенный фон и не вникал в смысл слов.

Он с удивлением и внутренним напряжением всматривался в события средневековья, отраженных, как в зеркале, на картинке из прошлого, что рисовало воображение..

Видит военных, окружающих безоружных. Средние века...

«Защищают? Кто это? На одежде нашиты кресты! Христиане? Рыцари».

Солнце с мягкой приветливостью лучами своими касалось склон гор и зелени долин, распахнутых настежь дверей и окон, калиток и ворот, лиц всех, кто собрался на площади в центре города.

Солнца свечение старалось уничтожить противостояние. Теплыми лучами пыталось изменить холодный отблеск бряцающего оружия, стук металла о металл...

Побежденные, утверждавших богоподобие человека – мужи, женщины, дети, старики – кто, не отводя взгляда, кто понуро опутив голову, были расставлены шеренгой на площади, час назад еще, богатого доброжелательностью и миролюбием города...

Христиане – католики один за другим, неспешно сменяя друг друга, выбирали в качестве пособия, на котором можно показать свою удаль-умение, кого-нибудь из шеренги и тут же, на глазах у всех, рубили руки-ноги-головы...

Состязание вызывало клики восторга у христиан и вгоняло ужас в детей...

Особенно восхищал утверждающих новую веру рыцарь Карл-Гора.

Он сразу, одним ударом своего тяжелого двуручного меча наискось рассекал неверного на две части.

Зрители – завоеватели, представители Господа, с любопытством всезнаек жадно впились взорами в еще живое лицо жертвы, глаза которой с удивлением продолжали смотреть на вопящих от восторга двуногих, говорящих от имени Христа.

Среди остающихся еще в живых выделялся седой, белобородый старик.

Он с сожалением взирал на пламя жарко горящего костра, в который были брошены все их книги, написанные предками о Законе мироздания. Время от времени бесстрастно переводил взгляд на воинов, убивающих безоружных.

Вся стать его излучала некое свечение... Свечение овалом окаймило голову его и чуть слабее, но высвечивало и тело, и даже землю вокруг.

Карл-Гора, идя вдоль ряда, остановился перед стариком.

Тот спокойно взглянул на него, будто обнял его взглядом.

– Молись Господу, как мы, обращающие вас в истинную веру, учим, – сквозь зубы процедил старику Карл, ткнув острием меча в видневшийся под рубахой того золотой круг – изображение Солнца, – или я убью тебя, заблудшая душа.

Старик ответил ему доброй улыбкой и словами спокойно добавил:

– Меня невозможно убить. Я – вечен.

Тело – мой храм. Оно есть тень для мира, где живем. Ты воюешь с тенями. Можешь убить тело, где я нахожусь временно, но не меня – сказал и, улыбаясь, продолжал спокойно смотреть на Карла-Гору.

– Невозможно??? – вскинув лицо в громком гоготе к небу, прорычал Карл и тут же схватил старика левой ручищей за горло.

Поднял его и, ухмыляясь, держа старика в воздухе, направился к находящемуся невдалеке дереву.

Подошел. Прижал старика к стволу. Отвел правую руку с мечом и, с маху, воткнул его в живот старца с такой силой, что дерево качнулось и зазвенело, будто застонало. Затем отскочил, оставив старика висеть на мече.

Тот, истекая кровью, по-прежнему улыбаясь и продолжая светиться, твердым голосом произнес:

«Конечное не может уничтожить вечное».

Карл снова подскочил к нему, выхватил из – за пояса свой нож и, трижды взмахнув им, отрезал голову старику.

– Вот и не стало тебя! – крикнул он торжествующе.

Снял через обрубок шеи залитый кровью солнечный круг на золотой цепи и, вытерев его о траву, оглядел своих сподвижников.

Схватил меч. Тело старца упало к основанию дерева.

Карл – Гора, протянув испачканное кровью золото перед собой, направился к своей подруге. Приблизился к ней.

– На, – сказал с гордостью, – дарю...

Та замешкалась:

– Карл, слишком много невинной крови... Бог накажет тебя за это... – неуверенно высказалась.

– Чем больше крови, тем я богаче. Грехи и эти, и будущие наш духовный и светский государь – Папа, уже простил нам всем. Мы исполняем главные задания: сжигаем все книги еретиков, увеличиваем его владения. Он – владелец одной трети всех земель. Мы посвящаем всех в нашу веру ..., – сказал и сунул в руки желанной свой подарок. Победоносно оглядел шеренгу пленников.

– Нехристей много. Перебью всех!

Подошел и остановился перед статным высоким светловолосым юношей. Тот стоял со связанными руками и улыбался той же улыбкой, что и дед: редкой в мире этом улыбкой отрешенности и невовлеченности.

Александр понял, что оказался там, рядом с этим юношей, кто был ему братом старшим. Почувствовал это и с радостью отметил, что путы веревки на правой руке поддались его усилиям и ослабли. Он начал освобождать свою кисть, чтобы успеть защитить брата своего.

«Быстрее. Скорее...» – подгонял себя и узлы уже...

– Ты тоже вечен?! – закатив глаза от бешенства, заорал рыцарь, взмахнув мечом над юношей.

– Безоружных убивать легко, а развяжи мне руки и сойдемся в поединке. Ты умрешь сегодня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.